

Нарочская операция: трагедия и героизм

Михаил СМОЛЬЯНИНОВ,
кандидат исторических
наук, доцент

В марте исполнилось 100 лет знаменитому сражению Первой мировой войны, происходившему на северо-западе Беларуси в окрестностях озера Нарочь, по имени которого оно и получило свое название. Бои, развернувшиеся в ныне курортных местах, были ожесточенными и кровопролитными. И хотя русским войскам не сопутствовал успех, она стала существенной помощью союзникам Российской империи – Нарочская операция помогла Франции отстоять Верден.

1916 год стал самым кровопролитным на белорусских землях из двух с половиной лет противостояния тут враждующих сторон. В этот период дислоцировавшимися здесь войсками Западного фронта русской армии был предпринят ряд наступательных операций с целью прорыва участка австро-германского фронта. Первой из них явилась Нарочская операция в марте 1916 года.

Учитывая печальный опыт военных действий 1914–1915 годов, союзное командование русской, французской и английской армий в декабре 1915 и в феврале 1916 года в Шантильи, в Ставке французского главного командования провело межсоюзнические конференции по разработке плана согласованных военных действий. Союзники не ставили задачи достижения каких-то определенных целей. Было выражено согласие о взаимной поддержке той союзной армии, которая подвергнется нападению со стороны вооруженных сил Тройственного союза. Совместные действия Антанты в виде общего наступления должны были начаться весной 1916 года, когда позволят климатические условия в России.

ОБ АВТОРЕ

СМОЛЬЯНИНОВ Михаил Митрофанович.

Родился в 1940 году в д. Плоская Вершина Добринского района Липецкой области (Россия). В 1970 году окончил Минский государственный педагогический институт имени А.М. Горького. С 1970 года – старший научный сотрудник, с 2016 года – ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси. Кандидат исторических наук (1977), доцент (2010).

Автор 5 монографий, около 100 научных статей, соавтор 8 коллективных книг.

Сфера научных интересов: история Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций в Беларуси.

Германцы упредили расчеты союзников по Антанте и во многом спутали их планы, начав 21 февраля 1916 года наступление у Вердена. Его целью было прорвать фронт. Первоначальные успехи немцев сильно обеспокоили французское командование, а с потерей 25 февраля форта и селения Дуомон положение французских войск под Верденом стало критическим. Уже 3 марта представитель французского Верховного командования при русской Ставке генерал П. По передал начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М.В. Алексею письмо от Верховного командования французской армии, в котором оно требовало от русской стороны перейти в наступление и оттянуть часть германских сил на себя. В ответ Верховное командование русской армии 24 февраля 1916 года провело совещание в Ставке с главнокомандующими фронтами и начальниками штабов, на котором было принято решение о проведении военной операции силами Западного и Северного фронтов на их стыке в районе озер Вишневецкое, Нарочь и города Поставы для отвлечения с французского фронта германских сил, а в случае успеха – для дальнейшего развития наступления и полного вытеснения их за границу Российской империи. Выбор места для нанесения главного удара объяснялся превосходством сил над противником и наиболее выгодной конфигурацией фронта именно тут.

Участок местности, на котором планировалось наступление русских войск, ограничивался с севера многочисленной группой озер: Эйсита, Дрингис, Дисна, Дривяты, Перебродье и др.; с юга – линией населенных пунктов: Ошмяны, Вилейка,

в состав 2-й армии (по его мнению – для лучшего управления) трех армейских групп, две из которых заняли позиции на флангах. На правом фланге, к северу от озера Нарочь, 20 км позиции занимала группа, возглавляемая генералом М.М. Плешковым, в составе 1-го Сибирского, 1-го и 27-го армейских и 7-го кавалерийского корпусов общей численностью 91 499 штыков и 1697 сабель. На вооружении группы было 144 легких и 116 тяжелых артиллерийских орудий. На 1 км занимаемого фронта приходилось 4660 бойцов и 13 орудий.

На левом фланге, к югу от озера Нарочь, занимала 22 км позиции группа во главе с генералом П.С. Балуевым, в составе 5-го и 36-го армейских и 3-го Сибирского корпусов и Уральской казачьей дивизии общей численностью 94 111 штыков и 1543 сабель. На вооружении имелось 153 легких и 66 тяжелых артиллерийских орудий. В среднем на 1 км занимаемого фронта приходилось 4802 бойца и 10 орудий.

Центральный фланг в 15 км (исключая озеро) занимала группа, возглавляемая генералом Л.О. Сирелиусом, в составе 34-го армейского и 4-го Сибирского корпусов, общей численностью 65 229 штыков и 1092 сабли. На вооружении имелось 101 легкое и 12 тяжелых орудий. На 1 км занимаемого фронта приходилось 4421 боец и 7,5 орудия.

В результате войска и артиллерия 2-й армии были рассредоточены по фронту почти равномерно. Не было создано ударного кулака, как это предписывалось директивой Ставки.

На рассвете 18 марта грохот сотен орудий возвестил о начале артиллерийской подготовки. Особенно сильным был огонь на участке Северной группы. Ее 1-му Сибирскому корпусу приказали прорвать фронт на участке Бучелишки – Лапинский лес и наступать в направлении Камаи – Можейки – Неверишки – Оlsa. Однако из-за слабости калибра орудий и мерзлого грунта артиллерия оказалась малоэффективной: проволочные заграждения остались целыми, блиндажи и пулеметные гнезда не были разрушены. Как только в середине дня войска стремительно бросились в атаку, их встретил мощный перекрестный артиллерийский и пулеметный огонь германцев и они понесли большие потери. Лишь на отдельных участках удалось преодолеть проволочные заграждения и занять окопы противника, но впоследствии

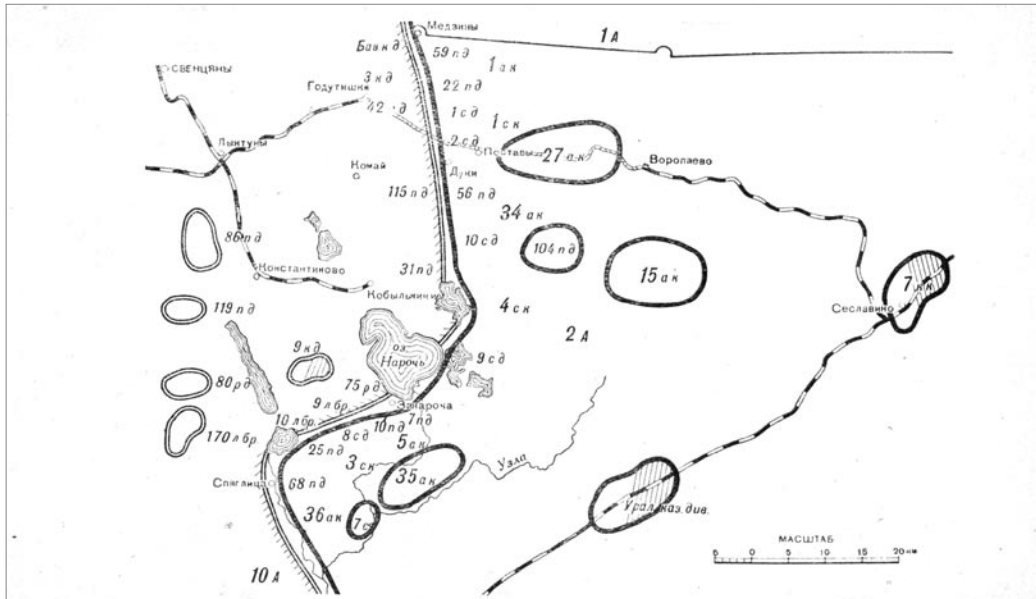
наступающих выбили сильным фланговым огнем. К концу дня войска вынуждены были отойти на исходные позиции. А к вечеру германцы подтянули силы и сделали попытку контратаковать.

Тремя часами позже Северной группы в наступление перешли войска Южной из исходного положения Занарочь – Лядо – р. Нарочь в направлении Проходы – Проньки – Баранов Рог – Бараны – Михалишки – Нестанишки – Сыроватки. Однако, не имея надлежащей подготовки и поддержки со стороны артиллерии, они понесли большие потери от артиллерийского и ружейно-пулеметного огня противника и к исходу дня отошли на исходные позиции.

На центральном участке фронта армии, занимаемом группой генерала Сирелиуса, активных боевых действий не проводилось.

Таким образом, в первый день операции наступающие войска ни в одном пункте на фронте 2-й армии не овладели укреплениями противника настолько, чтобы удержать их. Потери же за этот день были значительны: 183 офицера и свыше 15 тыс. солдат убитыми и ранеными.

В последующие дни атаки русских войск повторялись, но в основном были так же безуспешны. Вот как об этом сообщал командующий 2-й армией генерал Рагоза в телеграмме Главнокомандующему Западным фронтом генералу А.Е. Эверту: «За первые дни боев на фронте армии выяснилось, что для овладения укреплениями противника, по причине их мощности, мерзлого грунта, фланговых уступов, сильных блиндированных блокаузов и умелого размещения многочисленных заграждений... приходится прилагать огромные усилия. Атака 5-го корпуса в районе д. Занарочь была встречена газами, которые были выпущены из баллонов, местами же противник бросает химические снаряды, что также является трудностью для войск при наступлении». Отмечая действия артиллерии, генерал Рагоза сообщал, что «затрудняется стрельба, особенно корректировка, из-за постоянных туманов, которые держатся в этой местности целыми днями. В полевых снарядах недостатка нет, но тяжелых, как показывает практика, мало. Между тем, от них в значительной мере зависит более быстрый и полный успех. Увеличения числа тяжелых снарядов просят поголовно все начальники

◀ Соотношение сил противников к моменту мартовского наступления 1916 года

и к их просьбе нельзя не присоединиться» [2, л. 86].

Военным действиям не благоприятствовали и погодные условия. Уже на второй день операции пошел дождь, а на третий, как отмечалось в войсковых сводках, «тающий снег затапливал окопы, болота становились местами уже непроходимыми, лед в ручьях трескался, наступающие проваливались в полыньи по пояс». Кроме того, целыми днями стоял густой туман, который осложнял действия артиллерии.

Несмотря на это, 20 марта из Минска прозвучал угрожающий окрик Главнокомандующего Западным фронтом генерала Эверта в адрес командующего 2-й армией генерала Рагозы: «Потребовать от начальников групп и командиров корпусов надлежащего управления войсками. Приказываю проявить энергию и дисциплину во всех действиях... что бы там ни было, разбить и отбросить противника, потому что наступившая оттепель осложнит наше наступление» [2, л. 106].

В свою очередь генерал Рагоза срочно телеграфировал командирам корпусов, которые входили в его армию: «Развивать достигнутый успех. Продолжать выполнение поставленных задач». Одновременно он предупреждал об экономном расходовании боевых сил и средств, на скорое получение помощи просил не рассчитывать.

Между тем войска и в этих сложных условиях делали попытки продолжать на-

ступательные действия. 21 марта Северная группа войск генерала Плешкова в ходе наступления захватила первую линию вражеских окопов, но сильным огнем была выбита и с большими потерями отошла к рубежу Лесные Муляры. Солдаты и офицеры действовали безукоризненно и самоотверженно, делали все возможное и невозможное. С презрением относились к смерти. Под мощным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем противника они лавиной шли на неразрушенные проволочные заграждения противника и, жертвуя жизнью, стремились преодолеть их. Об этом, например, свидетельствует такой факт: только на участке прорыва вражеского фронта частями 22-й пехотной дивизии похоронной командой было снято с проволочных заграждений 5 тыс. трупов русских солдат. Среди массовой отваги воинов следует отметить подвиг самопожертвования 17-летней девушки Евгении Воронцовой, которая добровольно прибыла из подмосковного Голутвина в 3-й Сибирский полк 1-й Сибирской дивизии 17 февраля 1916 года. Командование, принимая во внимание возраст девушки, зачислило ее в команду связи. Но в день наступления полка она категорически заявила о своем желании принять участие в атаке и отправилась в 5-ю роту. На рассвете 21 марта по приказу командира корпуса 3-й Сибирский полк в составе 1-й Сибирской дивизии пошел в атаку. Наступавшие сразу были встречены

сильным ружейно-пулеметным огнем противника, несли большие потери. Достигнув проволочных заграждений, стрелки остановились. Воронцова первой нашла проход в проволочных заграждениях и, как отмечено в журнале военных действий 3-го Сибирского полка, «с криком: «Братцы, вперед!» устремилась к германским окопам. Многие последовали ее примеру. Но через несколько шагов юная героиня пала мертвой, сраженная вражеской пулей» [1, с. 115–116].

Войска Южной группы генерала Балueva в тот же день, выпустив по противнику семь тысяч химических снарядов, перешли в наступление и захватили две, а в отдельных местах три линии окопов на фронте озеро Нарочь – Августово. Однако из-за отсутствия своевременной поддержки резервами под сильным огнем противника вынуждены были отступить.

К 22 марта дороги на болотистых участках стали полностью непроходимыми. Ведение боевых действий не только с каждым днем, но и с каждым часом становилось все менее возможным. Однако попытки атаковать противника продолжались. 22 марта перешли в наступление войска Северного фронта, и войска Западного фронта должны были их поддержать. Войска 2-й армии получили приказ вновь продолжать атаки с целью прорыва фронта противника.

Северной группе была поставлена задача прорвать германский фронт на участке Вилейты – Бучелишки. Но войска выдохлись, их наступательный порыв понизился. По причине неготовности атаки Северной группы дважды откладывалась. В наступлении, которое началось 26 марта, из-за больших потерь в предшествующих боях приняли участие не все корпуса. Атаковавшие соединения захватили первую (местами – и вторую) линии окопов противника, но не получили поддержки со стороны артиллерии, так как не имелось снарядов, и в разгар боевых действий 12 пушек тяжелой артиллерии, 20 легкой и часть гаубиц вынуждены были бездействовать. Следует заметить, что в наступлении Северной группы принимала участие сформированная в Бобруйске в дни мобилизации 1914 года 76-я пехотная дивизия, входившая в состав 27-го армейского корпуса. В начале операции она находилась в групповом резерве и располагалась в районе деревень Перевозники, Юньки. Затем, в соответствии с

распоряжением командующего Северной группой генерала М.М. Плешкова, 19 марта была передвинута в район Озерки, Костени, то есть ближе к боевой линии. Утром 20 марта в момент атаки 22-й пехотной дивизии на ее поддержку направили бригаду 76-й дивизии в составе 301-го Бобруйского и 302-го Суражского пехотных полков. Но по вине командира бригады своевременная поддержка не была оказана.

20 марта части 27-го армейского корпуса заняли позиции в образовавшемся разрыве между 1-м армейским и 1-м Сибирским корпусами. В соответствии с приказом командующего Северной группой на следующий день части корпуса должны были атаковать противника на участке от Микулишек до Бучелишек. Однако из трех бригад 27-го корпуса в наступление были назначены только 301-й Бобруйский и 302-й Суражский пехотные полки 76-й дивизии. Остальные были эшелонированы в глубокий тыл, составляя дивизионный и корпусный резервы. Вначале наступление полков шло успешно: 302-й захватил сторожевое охранение противника у Бучелишек, но дальше продвинуться не смог, так как был обстрелян сильным фронтальным огнем противника со стороны Бучелишек и фланговым – от Целины. За 302-м Суражским остановился в своем продвижении и 301-й Бобруйский полк. Затем они подверглись сильному артиллерийскому огню, не выдержали его и отошли в исходное положение. Поддержка со стороны 2-й бригады 76-й пехотной дивизии была слабой и несвоевременной [1, с. 113]. Сказывалось плохое управление войсками со стороны командира корпуса генерала Баланина. Последнее наступление частей 76-й пехотной дивизии состоялось в соответствии с приказом генерала Плешкова в 4 часа 26 марта. К 4 часам 30 минутам 301-й Бобруйский и 304-й Новгород-Северский пехотные полки заняли первую линию германских окопов. Левофланговый 302-й Суражский полк прошел первую и атаковал вторую линию окопов. Однако при этом оказался открытым левый фланг полка, так как наступление частей соседнего 1-го Сибирского корпуса запаздывало. 302-й полк понес огромные потери и вынужден был отступить. Это задержало продвижение 301-го и 304-го полков. Поддержки не поступило. 76-я дивизия не выдержала сосредоточенного

артиллерийского и ружейно-пулеметного огня противника и, в одиночку, разбитая, отступила. Наступление 27-го корпуса захлебнулось. Огромные потери понесли и соседние войска 1-го Сибирского и 1-го армейского корпусов. Под сильным огнем врага войска отошли на исходные позиции. На этом боевые действия Северной группы войск в Нарочской операции были окончены. Ее обескровленные корпуса были отведены в тыл, сама группа расформирована.

Участие Южной группы генерала Балужева продолжалось. К этому времени на участке фронта против нее командованием германской 10-й армии были сконцентрированы крупные силы. Сначала атака намечалась на 30 марта, но из-за густого тумана ее перенесли на утро 31 марта. В этот день атакующие встретили упорное сопротивление германцев. Не достигнув линии окопов, русские части залегли под сильным огнем врага. Атака захлебнулась.

Верховное командование, видя крах операции, вынуждено было 29 марта отдать директиву «временно приостановить выполнение операции в определенных ранее размерах до улучшения местных условий».

30 марта главнокомандующий Западным фронтом в приказе войскам признал, что «начатая 18 марта атака неприятельских позиций в районе 2-й армии до настоящего времени не привела к решительным результатам, между тем наступившая теплая погода и обильные осадки, выпавшие за последние дни, сильно заболотили значительную часть района расположения войск и до крайности затруднили дальнейшее развитие операции в полном объеме» и приказал «прекратить наступление, прочно утвердиться в занимаемом положении, сохранять видимую готовность к продолжению боя, держать противника под угрозой атаки, а на участке между озерами Нарочь и Вишневецкое продолжать начатую операцию с целью овладения пунктами, нужными для прочного обеспечения отнятого у противника района» [3, л. 97, 118].

Таким образом, Нарочская операция была прекращена. Наступление, начатое в неподходящий момент (наступающая весна) и в неподходящей этому времени местности (низина с многочисленными озерами, речками, болотами, кустарниками да лесами), с самого начала было обречено на неудачу. Кроме того, поспешность операции прояви-

▲ Белорусский художник Владимир Сайко на презентации своей картины к 100-летию Нарочской операции. 2016 год

лась в необеспеченности войск боевыми средствами. В продолжение всей операции ощущалась острая нехватка снарядов для тяжелой артиллерии, около 24 тыс. солдат не имели даже винтовок, ощущался недостаток и шанцевого инструмента.

Все эти сложности и недостатки, наряду с плохим управлением войсками, привели к огромным жертвам. За две недели наступления людские потери 2-й армии составили 1018 офицеров и 77 427 солдат [1, с. 159] – почти четверть личного состава армии к началу Нарочской операции. Кроме того, были и огромные материальные утраты.

Понятно, что эти потери русских войск несопоставимы с захваченными ими в ходе операции трофеями – около 1200 пленных, 15 пулеметов и несколько сот винтовок. Что касается территории, то русские, освободив от противника 10 кв. км на одном участке, уступили его войскам 70 кв. км, хоть и болотистой, непригодной для боевых действий, но своей, российской территории в другом месте.

Безмерной потерей для русских войск в итоге Нарочской операции стало падение их морально-боевого духа. Ведь солдаты, которые претерпели трудности и невзгоды наступательных боевых действий, были свидетелями бессмысленной гибели множества своих сослуживцев, товарищей, во многом обусловленной необеспеченностью

наступавших частей боевыми средствами, бестолковостью распоряжений и приказов высшего командования. Они высказывали свое недовольство. Особенно это проявлялось в письмах, что неоднократно отмечала в своих сводках военная цензура. Например, в одной из таких сводок за март 1916 года военный цензор писал об «угнетенных» письмах, в которых солдаты «затрагивали эти бои, жаловались на огромное количество у противника пулеметов и артиллерии, на значительность наших потерь». В сводке за апрель отмечалось, что «еще продолжают встречаться упоминания о мартовской операции. В письмах из района Постав встречались выражения недовольства плохим управлением тут боем, а также намеки на некое будто имевшее тут место предательство» [3, л. 118].

В заключение необходимо отметить, что германское командование с самого начала операции было серьезно встревожено активностью русских войск на участке 21-го армейского корпуса. На выручку ему срочно двинули два армейских корпуса из резерва Восточного фронта. Более того, в продолжение всей операции германское командование вынуждено было перебрасывать сюда дополнительные подкрепления. Уже 21 марта в одной из телеграмм штаба соседней 10-й армии по сведениям войсковой разведки отмечались «некоторое усиление противника в районе Крево, особенно у госп. Двора Мысса, и повышенная бдительность противника на фронте Спяглица – мест. Вишнево. Наблюдением с аэростата 7 (20. – Авт.) марта обнаружено усиленное движение поездов в обе стороны на участке Гауц – Солы». Кроме того, войсковой разведкой и по показаниям взятых в плен немцев было установлено «усиление противника в районе Годутишки переброской туда всей 107-й дивизии и в районе к югу от озера Нарочь подтягиванием туда бригады 80-й резервной дивизии. Предпо-

лагалось также передвижение еще одной дивизии, кроме 107-й, с Северного фронта на Полоцкое направление» [2, л. 85]. За две недели боевых действий, несмотря на потерю 20 тыс. солдат и офицеров, силы германцев, сконцентрированные против 2-й армии русского Западного фронта, выросли на 30 тыс. штыков. Сюда же были дополнительно переброшены 150 легких и 82 тяжелых артиллерийских орудия, свыше 200 пулеметов и прочие боевые средства.

Вот что писал позже в своих мемуарах о Нарочской операции русских и о положении германских войск на этом участке фронта в дни ее проведения начальник штаба германского Восточного фронта генерал Э. Людендорф: «План был несомненно широко задуман. Расчленение нашей армии должно было начаться с двойного прорыва фронта, как бы вырезающего часть его – между озерным перешейком и линией Поставы – Свенцяны. Этот участок был достаточно широк и удачно выбран, и наших резервов не хватило бы на заполнение такого прорыва, да и доставлялись они к озеру Нарочь с большим трудом... Если бы прорыв удался, то в последствии его сомневаться было нельзя, дорога на Ковно была бы свободной...»

От 18 до 21 марта положение 10-й армии оставалось критическим, а численное превосходство русских подавляющим. 21-го неприятель имел очень болезненный для нас успех на озерном перешейке, а к западу от Постав мы лишь с большим трудом выдержали его атаку... Подкрепления, спешно отправленные 10-й армией и нами, начиная от железной дороги Виельно – Двинск, медленно и с трудом продвигались в болотах. Все мы с огромным напряжением ожидали исхода, но русские уже изнемогали, наступая в более тяжелых условиях, чем те, в которых находился наш фронт и тыл, и 26-го в момент нового усиления русского натиска мы могли уже считать, что кризис миновал благополучно» [4, с. 266–267].

Таким образом, Нарочская операция, которая дорого стоила русским, уберегла французов от разгрома и, возможно, спасла Париж от захвата противником весной 1916 года. Германцы вынуждены были прекратить атаки у Вердена с 22 по 30 марта, как раз в дни Нарочской операции. Это позволило французскому командованию на автомобилях перебросить под Верден значительные подкрепления. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Подорожный, Н.Е. Нарочская операция в 1916 г. на русском фронте мировой войны / Н.Е. Подорожный. – М., 1938.
2. Российский государственный военно-исторический архив (далее –РГВИА). – Фонд 2003. – Оп. 1. – Д. 292.
3. РГВИА. – Фонд. 2003. – Оп.1. – Д. 1486.
4. Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полковника. 1914–1918 / Э. Людендорф. – СПб., 1923.